

Галина Петровна КОЗЛОВА

«РАЗБУДИТЬ МЫСЛЬ: НАУЧИТЬ ДРУГИХ ИСКАТЬ ИСТИНУ И ОТЛИЧАТЬ ЕЕ ОТ НЕ-ИСТИНЫ!»

Козлова Галина Петровна (1927–2000) — кандидат экономических наук, доцент. Основные области исследований: социология труда и экономических отношений, теория советского социализма. Интервью с ее сыном Г. З. Файнбургом состоялось в марте-апреле 2017 года.

5 мая 2017 года. Так получилось, что в эти первые майские дни, исторически связанные с Днем победы, завершается большая, почти полугодовая работа над материалами о жизни и деятельности двух социологов, участников Великой Отечественной войны. Захар Ильич Файнбург (1922–1990) ушел на фронт добровольцем в июле 1941 года, прошел всю войну на разных фронтах, был тяжело ранен. Его жена, Галина Петровна Козлова (1927–2000), еще школьницей принимала участие в рытье окопов и противотанковых рвов под Москвой. Потом вышивала платки и кисеты для бойцов. Одновременно она завершила обучение в школе и в 1945 году поступила на экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, где судьба свела их вместе.

О прожитом и сделанном З. И. Файнбургом и Г. П. Козловой мне рассказал их сын – Григорий Захарович Файнбург – доктор технических наук, профессор, который много сил и внимания уделяет сохранению и изучению научного архива родителей.

Следует отметить три важнейших аспекта профессиональной жизни Г. П. Козловой.

Г. П. Козлова начинала как преподаватель политэкономии, но в 1958 году увлеклась работой на стыке политэкономии и конкретной экономики – стала заниматься вопросами механизации труда в промышленности. В 1965 году по материалам своих наблюдений и обобщений она защитила кандидатскую диссертацию. Фактически это уже было исследование в области экономической социологии.

На рубеже конец 50-х – 60-х сложился научный тандем «Файнбург-Козлова», который в следующие три с лишним десятилетия исследовал сложнейшие вопросы природы советского социалистического общества. Их работы показывали ограниченность и заидеологизированность понимания подавляющим числом экономистов и философов того времени особенностей советской политической и экономической системы. Создание методологических основ «политэкономии социализма» – один из существенных вкладов Г. П. Козловой в науку.

Еще один ценный вклад Г. П. Козловой в науку можно назвать историко-научным. В значительной мере благодаря ее усилиям и многолетней работе, удалось сохранить и привести в порядок архив З. И. Файнбурга (отчасти и ее самой), дающий возможность изучить особенности творчества «советского» ученого – обществоведа, работавшего в области политэкономии, социологии, социальной философии и социально-философской фантастики.

Свои достижения в науке Галина Петровна несла слушателям, студентам, в том числе будущим экономистам и социологам. Она будила их мысли. Учила искать истину.

Козлова Г. П.: «Разбудить мысль: Научить других искать истину и отличать ее от не-истины!»

Григорий, рассказывая о жизни своего отца – Захара Ильича Файнбурга http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=198, Вы отметили, что он познакомился со своим основным соавтором и рецензентом, а также женой и Вашей будущей мамой – Галиной Петровной Козловой – в Москве, на экономическом факультете МГУ в первые послевоенные годы. А что Вы знаете о её семье, о её детских и школьных годах?

Отметим, что говорить и писать о Галине Петровне крайне сложно.

Во-первых, она была очень скромной женщиной, всегда старалась держаться на «втором плане», благо на первом всегда мог быть кто-то другой, в первую очередь ее любимый муж, он же научный лидер их научного сообщества и соавтор – известный советский ученый-обществовед Захар Ильич Файнбург.

Об этом свидетельствует и такой факт. В 1982 году Галина Петровна закончила написание своей докторской диссертации «Становление нового исторического типа труда (Категория “труд” в политической экономии социализма: методология исследования, сущность, генезис)», переплела ее и... задвинула глубоко-глубоко в самый дальний угол одного из книжных шкафов: Захар Ильич начал тяжело болеть, и ей пришлось сделать выбор между мужем и научной карьерой. Она выбрала мужа и его творчество, а потому так и не стала ни доктором экономических наук, ни профессором, хотя более чем заслужила эти звания¹.

Во-вторых, обаяние Галины Петровны, ее внимательность, ее доброжелательность к людям наиболее ярко проявлялись в разговоре. Она была великолепной рассказчицей – многие слышавшие ее рассказы сохранили об этом самые яркие воспоминания, как и автор этих строк, и писательницей, о чем свидетельствуют ее многочисленные прекрасные письма. Мы будем их многократно цитировать...

«Мои дети любили, когда я рассказывала, как это было на земле. Внучка тоже любит мои рассказы, просит – расскажи какую-нибудь историю, ты их много знаешь. Смешно, но и мои студенты слушают, когда я рассказываю о событиях, очевидцем которых являлась. В этих рассказах нет официальщины, а дышит “почва и судьба”», – писала Галина Петровна о себе в одном из писем².

¹ Недавно, в связи с 95-летием З.И. Файнбурга в Facebook’е один мой сокурсник в 1966–1971 годы, Семен Маркович Кимерлинг, прочитав очерк «Апокрифический марксизм Захара Файнбурга», написал «Даже не верится, что тогда люди могли так думать» и добавил: «И извини, что не только про папу. В 1968 году в кафе в Адлере оказался за одним столом с москвичами. Когда они узнали, что я из Перми, то сказали: “У вас там есть великий Файнбург, но кроме него там есть его жена Козлова, которая в его тени, сознательно, но кто из них более велик, неизвестно. Вот такой штришок”». А чуть позже пришло еще сообщение: «Гриша! И твоя вина есть в том, что мама не стала академиком. Я вначале постеснялся всю правду-матку резать. Эти москвичи еще добавили, что она отдала себя всю детям и мужу, но это же нормально для настоящей женщины». А еще один человек, Александр Николаевич Бохан, вклиниваясь в обсуждение, добавил: «Только тогда женщина жертвует своим талантом, когда безгранично любит». И это правда! – ГЗФ.

² Здесь и далее мы следуем многочисленным сохранившимся письмам, переданным нам их получателями, не отправленным вариантам писем, а также копиям написанных под копирку и отправленных писем, связь с получателями которых по той или иной причине утеряна. – ГЗФ

Повторим, что Галина Петровна была не только непревзойденной рассказчицей, но и прирожденным самобытным писателем, хотя формально им не стала и к тому не стремилась. Ее умение ясно мыслить и писательский талант излагать свои мысли логично, образно, живым разговорным языком четко проявились при ее работе редактором того или иного написанного текста. Практически любой текст, конечно, имевший хоть немного смысла, начинал «играть» в ее руках. Этот талант она вложила в редактирование всех работ своего мужа и соавтора Захара Ильича Файнбурга — сделав зачастую своеобразный перевод мыслей Захара Ильича с недостижимых высот синкретического диалектического понимания сложнейших проблем развития современного общества на язык строго логичного, последовательного и общедоступного изложения.

Итак, начнем...

В день Парижской коммуны, 18 марта 1927 года, в Москве в семье бывшего крестьянина, красноармейца, партийца по Ленинскому призыву, рабочего-«выдвиженца» Петра Николаевича Козлова и учительницы начальных классов общеобразовательной школы Софьи Эфраимовны Крейн родилась девочка. В духе своего времени родители хотели назвать ее Коммунией. Но дед Николай, простой крестьянин деревни Марусино в Подмосковье, сказал: «Какая же она Коммуния, смотрите — она черненькая и галдит, как галка!» И девочку назвали Галкой — Галиной.

Этот, казалось бы, незначительный для многих факт был для самой Галины Петровны весьма существенным и в чем-то предвосхитившим всю ее жизнь. Она была скромной женщиной и не любила эпатаж и различного рода несуразности, и ей вполне подходило ее простое русское имя — Галина (для мужа она была Галюша и Г.П.(гэпэ)), для друзей — Галкой и/или Галочкой), а называться Коммунией ей, безусловно, было бы не к лицу. (Возможное имя Коммуния Петровна всегда вызывало у Г.П. смех.)

Вместе с тем вся ее творческая и личная жизнь была тесно связана с революционными идеями Парижской Коммуны, а ее способность смотреть на любое событие через призму общественных интересов, ее коммунистические убеждения, которым она не изменила (да и не могла изменить, ибо они были ее внутренними убеждениями, а не извне привитой болезнью), всегда и везде выделяли Галину Петровну из ряда других Галь, которых никогда не собирались назвать Коммунией.

Раннее детство — период, когда закладывается основа личности — было достаточно суровым для маленькой Гали Козловой.

Жили бедно и трудно, но честно и целеустремленно, а наличие многочисленной родни (зачастую гораздо более богатой и преуспевающей) рано начало учить «добру» и «злу» человеческого общества.

Родители были очень заняты, и многому ее научили дед — Николай Алексеевич Козлов и бабушка — Евдокия Матвеевна. На всю жизнь Галя запомнила, что «Бабушка, когда могла, покупала самые дешевые леденцы, так, чтобы их было много. Дед сердился на это и всегда покупал одну дорогую, а главное — очень вкусную конфету. Даже на две конфеты денег не было».

Галина мама — Софья Эфраимовна Крейн — выросла в большой семье военного музыканта, имела гимназическое образование. Она была учительницей начальных классов и пользовалась любовью и уважением. Спокойная, внимательная, рациональная, терпеливая и трудолюбивая — она передала эти качества дочери.

Только лишь наблюдая из-за плеча матери, как та проверяет тетради своих учеников, Галя рано научилась читать, писать, считать. Где-то через месяц после поступления в школу ее учительнице стало ясно, что девочке нечего делать в первом классе, и ее перевели сразу во второй класс.

Первое соприкосновение с общественной мыслью состоялось у Гали в ее семье, где, кроме других книг, было собрание сочинений В. И. Ленина. Отношение к этим книгам видно уже в том, что их не сожгли ни перед возможным приходом немцев в Москву в октябре 1941 года (когда, по воспоминаниям Г.П. и других очевидцев, вся Москва была покрыта пеплом сжигаемых документов), ни в холодную зиму 1941–1942 годов, когда нечем было топить печку. Эти книги всю жизнь стояли на полках библиотеки семьи Г.П. Сегодня они находятся в ряду других в мемориальной библиотеке З. И. Файнбурга, подаренной Г.П. родному вузу – Пермскому политеху.

Г.П. вспоминала: «Объяснить, чем жили наши родители и мы сами, трудно, если не невозможно. Какие утопии, какую дурь надо было преодолевать! Ведь моя мама 36 лет была учителем начальной школы, награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, дорогими ей медалями «За оборону Москвы» и другими, и помню, что она боролась против отмены грамматики (буржуазной выдумки). Ее дети учили тайно то, что необходимо знать грамотному человеку. Мама боролась против бригадного метода обучения, когда один сдавал экзамены за всех... Чего только не было!..».

«Первым воспоминанием детства, мне было четыре года, был страх – расстреляли мужа маминой сестры, а саму сестру³ с ребенком⁴ сослали. Он⁵ работал в Госплане, а жили они в нашем доме, и вдруг их не стало.

Второе воспоминание – 1 декабря 1934 года, висят траурные флаги, кругом горе и страх – убили Кирова. Что с нами будет? Так в семь лет я ощутила горе моей семьи и страх.

1937–1938 годы. Здесь страх сменился ужасом: исчез муж другой маминой сестры⁶, стали исчезать соседи, товарищи по школе. Со своей двоюродной сестрой⁷ писали мы письмо «дорогому Сталину», что папа (для меня дядя) Шура не виноват... Потом погиб мой отец...

Мы жили в Фурманном переулке, д. 18. Переулок выходит на Садовое кольцо между Красными Воротами недалеко от Земляного вала. На углу находится Институт глазных болезней имени Гельмгольца. Вокруг жило много технической интеллигенции и различного рода руководителей.

Знакомая нам женщина, жившая в прислугах, часто приходила к нам потрясенная, очередных ее хозяев ночью забрали. Она не успевала привыкнуть к новому месту, как ей приходилось его менять.

И вот что главное: никто не верил, что арестованные – это «враги народа». Тут что-то не так! Но что? Как такое может происходить?

³ Рахиль Эфраимовна Фалеева, имевшая домашнее имя – Ока – ГЗФ.

⁴ Раиса Тихоновна Фалеева, или просто Раюшка – ГЗФ

⁵ Именно он – тов. Тихон Николаевич Фалеев, потомственный почетный гражданин Российской империи, выпускник Высшего технического училища (современной Бауманки), один из специалистов Высшего Совета Народного Хозяйства почти сразу после революции смог поселить в одном большом «доходном доме», где и сам поселился с женой Окой и дочерью Раей, почти всех братьев и сестер жены – Якова, Иду, Зиновия, Сою, Босю. – ГЗФ

⁶ Ида Эфраимовна Крейн – ГЗФ.

⁷ Письмо писали Галя с Ириной – дочерью Иды и ее арестованного мужа – одного из руководителей Наркомата легкой и пищевой промышленности СССР Александра Семеновича Федорова – ГЗФ

В квартиру наших соседей (какого-то родственника Ю. Цедербаума-Мартова) приходили двое военных после ареста главы семьи и удивились, что жена и сын — студент юридического института, все еще в квартире. Эти военные объяснили ситуацию: приехало много народу (с Берией), нужны квартиры, если вы не уедете, не скроетесь, то вас арестуют. Это было чудовишно, невозможно было поверить, что это так. Семья адвоката не могла ничего понять и не уехала... Скоро их забрали.

В квартиру въехал следователь по особо важным делам Карпов с женой и двумя дочками. Они приехали из Тбилиси, плохо адаптировались, болели. Одна из дочерей была моя ровестница, и ее мать не раз приглашала меня к ним домой. Ходить к ним было страшно: все в квартире оставалось на тех же местах. На мебели были прибиты номерочки, то есть все было государственное и дано лишь в пользование. Новые квартиранты ничего не меняли, может быть, думали, что и самих их скоро заберут? В спальне на той же кровати, под тем же одеялом спали родители, в комнате сына теперь жили дочери — спали они тоже на одной кровати, по-моему, другую и поставить негде было — до революции здесь был будуар хозяйки, малюсенькая комнатка, а в столовой-кабинете по-прежнему стояла кожаная мебель и стены были прикрыты застекленными книжными полками. Кухня осталась той же, ели на той же посуде. Почему-то именно это производило на меня жуткое впечатление. Надо заметить, что мы были бедные, и жена Я. Н. Цедербаума — Ксения Николаевна, в детстве бывшая сиротой, жалела нас с братом и чем-нибудь подкармливала. И хотя жена Карпова тоже была доброй женщиной, в моей душе не проходил ужас...

С 1938 по 1950 г. [когда Г.П. уехала из Москвы], то есть в продолжении 12 лет, я просыпалась под утро, заслышав, что Карпов открывает парадное внизу и начинает тяжело подниматься вверх (мы жили на пятом этаже, лифт не работал со времен революции). Вот он останавливается, потом опять, тяжело ступая, идет. Моя кровать была у стенки, выходящей на лестницу, потому-то мне и было все так хорошо слышно. Я не сплю, а вдруг постучат в нашу дверь? Он проходит мимо двери, подходит к своей, звякает ключ, открывается и захлопывается дверь. Пронесло! Можно спать, но какой сон? Все дрожит от страха, да и вставать скоро в школу. Так и лежишь без сна.

Мама всегда удивлялась, что я не высыпаюсь и какая-то вялая. Если б она знала! Но я никому не говорила, зачем? Ходили слухи, что пытаются, мучают — все утаить нельзя. Вот я лежала и думала, что это делает по ночам и Карпов. Было страшно. Много писали об ужасах гестапо, и, будучи подростком, я уже понимала, что и наших здесь пытаются так же...».

«... Мой отец умер, выйдя «на свободу» из лагеря [в 1942 г.]. В тюрьме, лагере у них была койка и баланда. Здесь [в ссылке] не было ничего! Жить негде, работать негде. Всех их выслали на смерть».

Гале было 14 лет, когда началась война. Она не могла воевать, но она видела, как уходило «московское ополчение, совершенно не подготовленное и не вооруженное». Школьников посылали на рытье окопов, противотанковых рвов, сельскохозяйственные работы. Рыла эти рвы и Галя. Ей повезло, ее опустили в Москву за теплыми вещами, за сапогами. Обрато она вернуться не смогла, ибо началась тотальная эвакуация, и поезда туда, куда ей было надо вернуться, были отменены — там уже были немецкие войска.

В эти дни октября 1941 г. гитлеровцы вплотную подошли к Москве. Одним из критических и тщательно скрывааемых на протяжении долгого времени фактов были массовая эвакуация и паника в Москве 16 октября 1941 года, день, который загодя был объявлен Гитлером как день захвата Москвы.

Много лет спустя, в преддверии 50-летия Победы, Галина Петровна рассказывала своим студентам «о панике 16 октября в Москве, о закрытии метро, о том, что я не смогла попасть на вокзал и уехать на рытье окопов, о том, что мама осталась в Москве и велела нам готовиться к отражению врага: тетя, сестра милосердия в 1-ю мировую войну, должна была перевязывать раненых, я – здоровая девка, должна была выносить их с поля боя. Лешка⁸, ему только что исполнилось 11 лет, должен был бегать в разведку, а мама собиралась кормить и обстирывать раненых...».

События тех лет Галина Петровна всегда связывала с решением (затем отменным) сдать Москву немцам: «... А паника 16 октября? Кто-то ее организовал, ведь ранним утром, когда была объявлена массовая эвакуация, были развезены деньги – и каждый получил двухмесячную зарплату!!! А дальше большинству жителей было сказано – спасайтесь сами! Так во всяком случае произошло с моей мамой-учительницей и тетей-бухгалтером.

Метро закрыли, а в магазинах давали продукты по талонам (была карточка с двадцатью пронумерованными талонами, на них давали мыло, керосин, соль, спички, дрова и т.п.). Так вот, что было в магазине, то и раздавали. Порядок сохранялся потому, что давали по талонам и за деньги, но сколько чего – везде было по-разному. Вот мы ходили и соображали, чего же купить, понимая, что Москву собрались сдавать, иначе зачем разбазаривать запасы? Пишут о грабежах и уголовниках. Наверное, и это было, но главное, что всех жителей обеспечили деньгами и дали право магазинам, скорее обязали, – все раздать, чтоб немцам не досталось. Вот так была спровоцирована паника. Поневоле запаникуешь.

Моя мать отреагировала так: всем бежать, кто же защищать Москву будет? Школу официально закрыли и учителей распустили по домам. Кстати, школы в первый год войны так и не работали, никто этому не верит: как же, говорят, даже в Ленинграде школы работали! Вот так! Только после разгрома немецких войск под Москвой, в начале 1942 г. открыли в каждом районе по одной школе для желающих сдать экстерном экзамены за 7-й и 10-й классы, то есть была дана возможность закончить образование (неполное среднее или среднее). Мама со своими подругами организовали дежурство, охрану школы, ездили за торфом, топили печи в школе. Особенно тщательно охраняли крышу от зажигалок. Это был для меня пример самоорганизации народа! Эти женщины сохранили школу (угол Садовой и 1-й Мещанской – сейчас Проспекта мира – на Колхозной [сейчас Сухаревской] площади).

Мне же мать сказала: сшей четыре мешка заплечных (рюкзаков тогда не было), положи пару белья, немного сухарей и сахара. Каждый из членов семьи получил по мешку с НЗ [неприкосновенным запасом]. Мама, тетя, брат 11 лет [Леша] и я. Сын тети, мой двоюродный брат [Шура], был на фронте, а отец мой – в лагере. Мешки эти всегда при нас – мало ли что? Дом бомбой разобьет, уходить придется, НЗ с собой. План был такой – мы остаемся и будем защищать Москву до последнего. Тетя, бывшая еще в империалистическую войну сестрой милосердия, займется ранеными, мать будет на них стирать, я буду подтаскивать раненых к тете, я была сильной, хотя мне исполнилось лишь 14 лет, брат будет ходить в разведку и подносить патроны, еду.

⁸ Алексей Петрович Козлов – младший брат Г.П. – ГЗФ

К счастью, ничего этого делать не пришлось, Красная Армия нас защитила. Матери и ее подругам за сохранение школы и ее имущества дали медаль «За оборону Москвы», чем она до самой смерти гордилась...».

Весной 1942 года Галя стала работать вышивальщицей в специальных мастерских, организованных при Сокольническом РОНО г. Москвы. Это давало право получать рабочую карточку, а не карточку иждивенца, которую давали школьникам. Такие личностные качества, как ответственность, терпеливость, методичность, скрупулезность позволили Гале стать настоящим мастером художественной вышивки. В числе четырех лучших вышивальщиц она вышивала шелковые шали. Каждая девочка вышивала свой угол шали. Рисунок и качество шитья должны были совпадать. Это научило Галю работать в коллективе, не допускать ни малейшего изъяна, не отклоняться от установленного регламента.

Из письма Гали Козловой из Москвы двоюродному брату Шура⁹ в армию от 30 января 1942 года: «Шура!

Каюсь! Я тебе не писала весь январь, потому что работала. Мне подвезло. Еще в конце декабря, видя наше тяжелое материальное положение, я хотела поступить на работу. Но 14-летних людей не только на работу – на курсы не принимают. Слава богу! Мне скоро будет 15 лет. Тогда я взялась шить маскировочные костюмы у тети Оки¹⁰, в ателье не приняли (проклятое малолетство). Костюм стоит 5 руб. В день можно сшить только 1–1,5 костюма, так что, как видишь, не очень-то выгодно. Как-то вечером, в начале января, приходит Раюшка и говорит: “Хочешь заработать 15 руб.? Вышей гладью платье”. Я согласилась, но вышила не гладью, а маленьким крестиком. Думала даже, что попадет за самовольство. Но заказчице так понравилось, и вообще, видимо, так красивее, что мне сейчас же предложили вышить 7 платьев для продажи. Я вышивала в день по платью и отвозила их Раюше. Как-то две заказчицы, увидя эту вышивку, тоже попросили так же вышить, пришлось даже вышивать в ателье (был срочный заказ). Сейчас мне Раюшка дала еще 3 платья. Директор ателье завела на меня карточку (еще не знает, что мне только 15 лет) как на порядочную надомницу. Через два дня получу, наверное, рублей 200, а то и больше. Классически! Уже получила 15 руб.

Пойду завтра на театрализованную программу Ансамбля НКВД СССР. В следующем письме подробно опишу виденное и слышанное. ...

Казалось бы, что при таких обстоятельствах я должна стать настоящей девчонкой, которых я не люблю, болтливой и глупой. Но моя душа продвигается в обратную сторону. Я стала оптимисткой, интересуюсь театром и стала (к моему удивлению) понимать смысл произведений. Недавно я прочла «*¹¹» Доде и «Агасфер» Эжена Сю. Я долго беседовала о книгах с Лешей и т. Настей¹² (как я жалею, что ты не дома) и поняла, что я познала истины, выражаемые и проповедуемые этими писателями, а раньше, что хотел подчеркнуть в жизни этой книгой автор, было для меня частенько непонятно. Какая я была глупая, сердясь, когда мне говорили, что я не пойму книги,

⁹ Шура – любимый двоюродный брат Гали, старше ее на 7 лет, впоследствии известный музеевед, директор-организатор Государственного музея А.С. Пушкина в Москве – Александр Зиновьевич Крейн. Галя и Шура жили в одной коммунальной квартире, занятой родственниками. – ГЗФ

¹⁰ Старшая сестра матери Гали, ее тетка, вдова расстрелянного Т.Н. Фалеева. Рая – ее дочь, старше Гали лет на 5–7. Были высланы из Москвы, вернулись после окончания срока высылки, жили в Подмосковье в Перловке. – ГЗФ

¹¹ В этом месте мы не смогли расшифровать рукописное письмо – ГЗФ

¹² Анастасия Крейн-Цоболева, мать Шуры. Все они жили в одной коммунальной квартире. – ГЗФ

и думала, что достаточно прочесть книгу, чтобы понять ее суть, оказывается, тут нужен возраст и общее развитие. Но все-таки читаю мало. Негде брать книги, да и читать-то некогда — всегда чем-нибудь занята...».

Спустя 50 лет по случаю, в одном из писем 90-х годов, вспоминая, Галина Петровна писала: «... в войну работала в мастерской, где девочки вышивали платочки и кисеты по заказам военных заводов. Там женщины вкладывали в кисет платочек, письмо, подарки, и все это отвозили на фронт. Заводским работницам вышивать было некогда, да и не все умели это делать. Мы работали по шесть часов в день, а затем шли в школу и учились.

Уроки делали на уроках, так как дома делать их не было времени. Нам давали рабочую карточку, но и жесткую норму: за 6 часов работы надо было вышить и подрубить край шести платочков. Работать приходилось, не разгибая спины. Кисетов надо было делать не помню сколько: их надо было красиво вышить и сшить, продернуть веревочку и т.д. Уставали очень, а потом... школа.

Только в десятом классе, зимой 1944/45 года, я уже не работала — надо было кончать школу и поступать учиться дальше. Может быть, война кончалась, и заказов уже не было, не помню, но я уже не работала».

Любовь к истории, географии, особенно экономической, тяга к пониманию первопричин всего происходящего привели Гаю Козлову в 1945 году на экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Там она встретила свою судьбу — Захара Файнбурга, но это уже другая история.

Конечно, история эта — не другая, но, безусловно, эта встреча оказалась значимым событием в жизни Вашей мамы. Формально говоря, на тот момент их биографии имели немного точек «пересечения», что же заинтересовало их друг в друге?

Эта значимость стала ясна из дальнейшего, из событий всей прожитой жизни. На момент их первой личной встречи, зафиксированной сознанием и вошедшей в семейные предания, у Захара и Гали были лишь косвенные точки «пересечения».

Одной точкой пересечения — мировоззренческой, в совокупности были их любовь к чтению, уважение к книге как источнику мысли, а не как к «бумаге», их постоянное стремление к анализу жизни, социально-экономических и социально-политических явлений и событий, их безусловный патриотизм как граждан Страны Советов, их родственная принадлежность к лицам, которых называли «врагами народа», их принадлежность к тем, кто «ковал» Победу над фашизмом, их совместная учеба (пусть на разных курсах) на отделении политэкономии экономического факультета МГУ.

Другой точкой пересечения — жизненной, связанной с «судьбой», были некоторые сугубо случайные, личностные, но интересные и судьбоопределяющие обстоятельства. В хорошей компании умных ребят и девчат, куда входил детдомовец Захар Файнбург, был и москвич Ефим Эпштейн (в будущем известный геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор). У него была младшая сестра Лина (в будущем доктор химических наук, профессор). Так случилось, что в 1944 году, вернувшись из эвакуации, Лина пришла учиться в класс, где училась Галя Козлова. Они подружились (как потом выяснилось — на всю жизнь). Однажды Лина показала пришедшей к ней в гости домой Гале фотографию компании своего старшего брата и спросила: «А за кого из этих парней [все они были на фронте] ты бы Галка, вышла замуж?». Галя показала на Захара. «Этот парень не для тебя...», — услышала она в ответ. Захар

был очень красивым, очень умным парнем и безумно нравился девушкам... За его внимание шла борьба... Многие из этих девушек были и красивые, и умные, и «богатые» ... Бедная, еще не столь умная, и далеко как не первая красавица Галя Козлова в этой связи в качестве Жены Захара просто не рассматривалась Линой... А Галя и не рвалась... Это были просто обычные девичьи разговоры, которые стали «эпохальными» лишь в будущем.

Галя не была красивой, но она обладала тем, что сегодня называется привлекательность, притягательность, сексапильность, обаятельность... Было нечто, что притягивало к ней, а потом не отпускало... Люди тянулись к ней. В конце ее жизни они мотивировали это ее внимательностью к другим, мудростью, сострадательностью... У Гали поклонников было хоть отбавляй, два из них больше других занимали Галя... Это были очень серьезные, успешные и интересные парни, занятые важной деятельностью... Но именно она, эта деятельность, где-то по случайности, а где-то по личным качествам пригодных для этой работы людей, в итоге развела их с Галей (по ее мнению и решению)...

Захар был красивым и умным парнем, чем-то выделялся из всех... Легенда гласит, что, вернувшись из армии осенью 1945 года на учебу в МГУ, Захар увидел в толпе студенток Галя, она ему понравилась, но как к ней подойти, он не знал... Девушки любили его, но он не был ловеласом...

И тут подвернулся «случай»... Отмечали то ли день рождение Ефима Эпштейна, то ли еще что-то, но так случилось, что и Захар и Галя оказались одновременно на этом застолье. Хозяйка дома, Ева Захаровна, мать Фимы и Лины, усадила Захара и Галя рядом на деревянный сундучок (стульев не хватало)... Так состоялась их знакомство... И не все было просто, у Гали были поклонники, а у Захара — поклонницы... Но за год, к декабрю 1946 года, Любовь и Страсть сделали свое дело, они стали мужем и женой...

Это был брак не по расчету, а по огромной Любви с сильнейшими страстями... Все обстоятельства жизни были против них, а Любовь их «схватила» и держала вместе... Их семейная жизнь начиналась на полу кухни коммунальной квартиры, где они могли устраиваться на ночь, только когда все ложились спать... Больше ЖИТЬ БЫЛО НЕГДЕ! Потом они жили год порознь (Захар уехал работать, Галя доучивалась), потом они уехали в Йошкар-Олу и жили в одной комнатке с двумя детьми, потом они снова жили порознь (Галя уехала учиться в Питер, а Захар продолжал работать), и лишь потом они уже не разлучались...

Страсти кипели, и «атаки» на их брак шли и со стороны поклонниц Захара, и со стороны поклонников Гали...

И тут снова подвернулся «случай», кардинально изменивший всю их жизнь... В 1957–1958 годах они начали работать вместе над научными проблемами, возник творческий коллектив двух исследователей — «научный тандем Файнбурга-Козловой»... Огромная ежедневная совместная работа, интеллектуальная и идейная дружба, духовная близость навсегда спаяли их вместе в одно неразрывное целое.

Поэтому когда меня спрашивают, что сблизило Ваших отца и мать, я отвечаю — огромная всепоглощающая и безрассудная любовь и не менее огромная духовная близость «товарищей по оружию» опасного научного поиска истины в обществе, зашоренном слепым идеологизмом и постоянным выполнением «мудрых решений партии».

С чего началось рождение научного тандема, с анализа какой проблематики? Поскольку мы имеем тандем, то интересно: кто какие педали в нем крутил?

Мы никогда уже не узнаем всех тонкостей и деталей, ибо оба свидетеля рождения и существования научного тандема Файнбурга-Козловой ушли из жизни, а я был слишком мал, чтобы не только «видеть», но и «понимать».

Это были тяжелые годы жизни нашей семьи, насколько я помню сам, а теперь и знаю из рассказов мамы и документов архива. Гонения на нашу семью были серьезными, и работы по редкой специальности «политэкономия» в маленькой Йошкар-Оле (помимо контролируемых властью должностей преподавания в высшей школе) почти не было. Одно время мама вообще не работала, а отец формально числился лишь на часть ставки старшего преподавателя кафедры конкретной экономики, и его заработка было очень мало. Но моим родителям было не привыкать к бедности. Их больше волновал Смысл их жизни.

Ели кашу – утром манную, днем – гречневую, вечером – пшенную. Каши были распаренными и вкусными – благо была у нас в кухне русская печь. Еще отец все время охотился, и мы много ели болотной и лесной птицы. Носили то, что мама шила, а шила она прекрасно. У нее была швейная машинка «Зингер», которая когда-то, еще в XIX веке, была подарена ее бабушке – Раисе Ароновне Дольник на свадьбу. Эта швейная машинка была сделана на совесть и работала прекрасно (она и сейчас все так же отлично работает в умелых руках моей сестры, как и полтора столетия назад).

В те годы Захар Ильич и Галина Петровна все свои силы клали на «алтарь победы» – на защиту Захаром Ильичем кандидатской диссертации по механизации труда. Мама помогала папе. Что и как происходило – не помню, но это не было еще научным тандемом, это была серьезная постоянная помощь и не более того. Но затем все изменилось.

«После смерти Сталина реабилитировали родителей Захара, погибших в 1938 году, он перестал быть «сыном врагов народа», да и с борьбой против космополитов стало полегче. М.М. Соколов¹³ прикрепил Захара к кафедре экономики промышленности [МГУ] (так будет вернее, сказал он) для защиты кандидатской диссертации. Ни о каких отпусках, стажировках и речи не было. Поэтому мне надо было помогать Захару – печатать, редактировать, обсчитывать таблицы и т.д.

Так и получилось, что два года я работала как научный работник и как редактор. Выпустила в свет три статьи Захара и книгу по материалам диссертации «Производительность труда на лесозаготовках», – вспоминала в 1995 году Галина Петровна.

«В 1958 году опять пришлось делать выбор. Один из руководителей Марийского целлюлозно-бумажного комбината [Михаил Романович Кантаржи] прочитал в московском журнале «Молодой коммунист» статью Захара «Сколько рук вокруг машины?»¹⁴, получившую название среди друзей «сколько рук – сколько ног». Этот человек задумался, а сколько же рук на их комбинате? Ведь химическое производство не ручное производство, а народу на комбинате тьма, т.е. явное рассогласование механизации работ и механизации труда.

¹³ Декан экономического факультета МГУ, доктор экономических наук, профессор, всегда, отдадим ему должное, благожелательно (по заслугам) относившийся к Захару и поддерживающий его. – ГЗФ

¹⁴ Сколько рук около машин на Вашем предприятии? // Молодой коммунист. – 1956. – № 12. – С. 107–112. [Изд. ЦК ВЛКСМ]. [О соотношении механизации работ и механизации труда на лесозаготовках] – ГЗФ.

Весной 1958 года М.Р. Кантаржи появился в Йошкар-Оле и предложил заключить хоздоговор¹⁵ для решения этой проблемы. Мы поехали на комбинат (это на Волге, чуть севернее Казани), прошли по всей технологической цепочке от вытаскивания бревен (балансов) из воды до упаковки рулонов готовой бумаги. Все увиденное потрясло меня так, что я бросила преподавание и год просидела на комбинате и дома, решая предложенную проблему¹⁶. На другой год еще один комбинат, теперь уже деревообрабатывающий, заказал подобную тему. Работала я с огромным интересом, — вспоминала Галина Петровна, — так в конце 50-х годов родилась научная фирма «Файнбург-Козлова», просуществовавшая более 30 лет. Переехав в Пермь, я еще четыре года сидела на заводах... В 1965 году я защитила кандидатскую диссертацию по проблеме механизации труда. Проблема была решена, и я переключилась на методологию политэкономии».

«До 1958 года я наукой не занималась — преподавала, воспитывала двоих детей. В 1958 году нам предложили определить уровень механизации труда на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате, заключив для этого хозяйственный договор. И я увлеклась проблемой, ушла из института и два года просидела на заводах. Теоретическим результатом этой работы было выяснение влияния технического прогресса на характер труда. Как написал один чешский автор¹⁷, мы впервые осуществили микроанализ труда. Подобный анализ труда оказался эвристически содержательным, открыв дорогу исследованиям в области образования и культуры рабочего класса, социальной структуры нашего общества. Благодаря этим работам, мы с Захаром получили «имя» в науке. В середине 60-х годов мы примкнули к социологам, приняли участие в двух международных проектах по проблемам рабочего класса».

Вот так и возник научный тандем двух ученых, двух единомышленников, двух половинок одной семьи.

«Однажды знакомый профессор спросил меня — как мы работаем с Захаром вдвоем? Я ответила — по принципу органической мануфактуры. Наши способности взаимно дополнялись. Захар схватывал проблему целостно, крупно, а затем шел от общего к частному. Он и лекции так читал. Сначала выдвигал положение, затем его аргументировал, т.е. ему была свойственна дедукция. Я же всегда видела общее в частном, “в капле воды”, шла от еле заметного явления к обобщению, мне более свойственна индукция. И лекции я читаю, идя от известного к неизвестному: известный факт — обыденное его объяснение — пауза — научное объяснение — пауза (слушатели должны переварить услышанное, у них открываются глаза, а иногда и рот...).

Захар — генератор идеи, я — критик, он — писатель, я — рассказчик, но я стилист и т. п. Возникает стереоскопичность видения, что весьма эффективно. Было время, когда наш ректор хотел видеть меня в роли заведующей кафедрой политэкономии (Захар тогда был заведующим кафедрой научного коммунизма/социологии). Я сказала ему — Захар президент, а я советник президента. Это моя жизненная роль, она подходит мне по характеру, быть завоём я не могу, согласия моего не будет... Жизнь прожита. Я рада, что смогла быть помощником такого замечательного ученого, как Захар Ильич...».

¹⁵ Помимо прочего это были живые деньги, столь нужные семье. — ГЗФ

¹⁶ Файнбург З.И., Козлова Г.П., Кантаржи Р.Р. Анализ уровня механизации труда в целлюлозно-бумажной промышленности // Бумажная промышленность. — 1961. — № 7. — С. 22–24.

¹⁷ Кутта — ГЗФ

«Более 30 лет я была сотрудницей профессора Файнбурга, его секретарем, референтом, советником, редактором, соавтором. Все его работы прошли через мои руки. Захар часто и много болел, мне приходилось вести его дела. “Делов море!” — как говорила одна моя знакомая. У Захара более 200 работ, из них более 40 сделаны совместно со мной, да моих еще более 20 — вот объем моей работы».

«Я мало была связана с экономистами, так как не понимала, о чем они говорят и пишут. По сравнению с философами и социологами это было просто неграмотное лепетанье. Происходило это, на мой взгляд, потому, что так называемые политэкономы не знали ни истории своей науки, ни философии, как метода познания. Сплошное невежество. И вот (ирония истории!) эти малограмотные люди, но с ба-альшими претензиями сейчас правят бал, руководят экономикой. Ничего хорошего и не могло произойти, нечего ожидать от них»¹⁸.

Из этих написанных более 20 лет назад строк мне видно в первую очередь то, что мама была удивительно скромным человеком. Она сознательно ставила себя на вторую позицию, частенько «принижала» свои заслуги. Но, если посмотреть архивные материалы, ее записки отцу при работе над рукописями, когда речь шла о научной истине и доступности ее изложения, то станет видно, что зачастую их роли кардинально менялись — она была лидером, она задавала логику изложения, а отцу предоставлялась лишь возможность писать в заданном ему направлении.

«Когда в 1972 году в ресторане Ростова-на-Дону обмывали защиту докторской Захара, ростовчане хотели выпить и за мою работу. Предполагалось, что я тоже буду защищать в этом Совете. Но я встала и сказала, что моя мечта повернуть Захара опять к политэкономии и написать политэкономии социализма. На это уйдет лет десять, сказала я. Так и вышло. Захар болел, умирал, его оперировали, он проклемался. Мы с великим трудом пробилась в издательство. Суслов запретил местные издания. Наш Пермский обком пробил мне докторантуру и книгу под докторскую (а мне было уже за пятьдесят лет). Пробивал ректор нашего института, незабвенный Михаил Николаевич [Дедюкин], которым нас с Захаром ценил. Любопытно, что когда книжка [«Диалектическая логика политэкономии социализма». Саратов, 1982] вышла, ее раскупили очень быстро, главным образом молодые преподаватели. Я это знаю потому, что весь тираж я выкупила в издательстве сама и высылала книги наложенным платежом по просьбам. Люди как-то узнавали, и 2 тыс. экз. моментально разошлись. Так вот в книгах мэтров о ней ни звука, как будто ее не было, [как будто] не было и серии статей в «Экономических науках», а ведь прошло 10 статей!».

Сегодня сочетание фамилий «Файнбург-Козлова» как авторов различных работ настолько привычно, что почти никто не обращает внимание на работы противоположного сочетания «Козлова-Файнбург». Но они были, и к их числу принадлежит известная статья, сделавшая моим родителям имя: Г. П. Козлова, З.И. Файнбург «Изменение характера труда и всестороннее развитие человека // Вопросы философии. — 1963. — № 3. — С. 55–62. Но чтобы понять, как она была написана, нужно понять общий стиль совместной работы научного тандема Файнбург-Козлова.

Мама спала утром, а вечером работала. Отец спал вечером, а утром работал. Это позволяло им передавать друг другу текст, над которым они работали, как эстафетную палочку. Писал работу, как правило, отец, а мама писала листочки к работе с точными и жесткими указаниями, что и как сделать. Им и следовал отец, если был согласен. И все это обсуждалось днем, иногда с огромным накалом страстей.

¹⁸ Написано в середине 90-х годов XX века. — ГЗФ

Отец преимущественно читал книги и толстые журналы, но мама читала всю прессу и готовила «дайджест» для отца. Галина Петровна любила и умела вести дневниковые записи, делать выписки неординарных «умных» или «откровенных» мыслей, подчеркивала все интересное в газетных статьях, которые она читала с «карандашом» в руках, приписывала свои краткие и образные комментарии. Чего стоит только ее знаменитая в нашей семье пометка на полях — «Ха!». Это означало невероятную глупость или наглую ложь. Их она выявляла мгновенно. Она ничего не усваивала механически, ей нужны были логика и доказательства, идеи и концепции. Она была искренняя поборница истины, правды, справедливости. Долгие годы отец и я откровенно «паразитировали» на этих способностях мамы, читая почти всю публицистику только после нее и только подчеркнутое зеленым, красным или синим (редко — простым карандашом). При чтении выделенного ею текста сразу же создавалось и общее впечатление о работе, и самые интересные мысли были усвоены, и время сэкономлено, ибо все остальное — не удостоенное ее внимания, внимания действительно не стоило. Это было «пустое».

Кстати, я совершенно не помню реакций отца на глупости в научных публикациях. Но хорошо помню и понимаю (а психологически я похож на маму), что маму «глупости» приводили в остервенение. Она их органически не переносила!

И вот однажды вечером Галина Петровна сидела на кухне¹⁹, читая дискуссию в «Вопросах философии» о труде, и пришла в ярость от прочитанных ею глупостей. И она села писать элементарное «учебное пособие» для «невежественных чайников» и официозных «идиотов»! Она мыслила логично и писала доступно. Вот она и писала до утра, а утром оставила все отцу. Он начал шлифовать текст. Но все идеи и формулировки были мамины! Так родилась одна из лучших в их научном творчестве работа. Работа, сделавшая им имя!

Двадцатью годами позже, в 1984 году, в преддверии начала маминой работы над докторской диссертацией соавторы научного тандема напишут целое эссе о разграничении авторства З. И. Файнбурга и Г. П. Козловой в их совместных публикациях и некоторых рукописных работах:

«Работы по исследованию содержания и характера труда велись Г. П. Козловой совместно с З. И. Файнбургом с конца 50-х — начала 60-х годов. К этому же времени относятся наши совместные выступления на научных конференциях и симпозиумах, совместные выступления в печати. С самого начала наш общий интерес к этим проблемам имел и вполне четко обозначившееся внутреннее разграничение: вопросами методологии занимался преимущественно З. И. Файнбург, собственно политэкономическим, более конкретным анализом категории “труд” — Г. П. Козлова. Это разграничение в последующие годы закрепилось и упрочилось (что нашло свое отражение и в проблематике диссертационных работ, и в их научном профиле).

Поскольку именно Г. П. Козлова все годы (начиная с 1950 года) преподавала политическую экономию, именно она обратила внимание на то существенное различие, которое имеет место в логическом обосновании политической экономии капитализма и политической экономии социализма. Проблема оставляла достаточно пространства и для изысканий в области методологии, и для исследований в области

¹⁹ В одной комнате спал отец, а в другой — мы с сестрой. Нормально работать ночью мама могла только на кухне. Для этого там стоял большой стол. На нем можно было всей семье из пяти человек не только удобно обедать, но и работать. — ГЗФ

политэкономической теории. В конечном счете это и предопределило и возможность, и целесообразность совместных исследований в последующем (хотя есть проблематика, где научные интересы авторов не соприкасаются непосредственно).

Кроме ряда журнальных статей и им подобных публикаций, наиболее определенно наше творческое сотрудничество получило отражение в монографии «Диалектическая логика политической экономии социализма», (Саратов, 1982 г.). Во введении к этой книге официально оговорено разграничение нашего соавторства: «...Книга представляет итог многолетней совместной работы исследования проблем политической экономии социализма и, прежде всего, нового исторического типа труда. Философские аспекты разрабатывались преимущественно З. И. Файнбургом, политэкономические — Г. П. Козловой. Соответственно может быть разделено и авторство» (с. 4). Фактически это относится и ко всем последующим нашим работам по этой проблематике.

Там, где это возможно, мы всегда выделяем и подчеркиваем определенную раздельность наших интересов и нашего вклада в ту или иную публикацию или рукопись. Но эта раздельность не могла быть абсолютной, когда речь шла об исследованиях в области теории и методологии политической экономии социализма.

Мы могли бы, конечно, руководствуясь чисто формальными и прагматическими соображениями, предпринять специально направленные усилия, чтобы на самом официальном уровне показать, что расхождение интересов и разграничение соавторства носит столь строгий характер, что, образно говоря, о нас можно было бы сказать: «они работают, повернувшись друг к другу спиной». Возможно, что это заметно облегчило бы нам²⁰ некоторые формальные аспекты деятельности в сфере науки. Однако, перед лицом тех больших, сложных и важных для практики проблем социалистического строительства, за разработку которых мы взяли совместно более 30 лет назад, мы посчитали бы это для себя неприемлемым по нравственным и неправомерным по мировоззренческим соображениям. В частности, Г. П. Козлова считала бы неуместным умолчание или уход в чисто формальную сторону в вопросах разграничения авторства при предоставлении ею диссертационной работы по политической экономии социализма».

Если перевести это написанное Захаром Ильичом заумным языком канцелярита «заявление» на обычный русский язык, то станет ясно, что разделить свое творчество на две независимые и автономные половины соавторы так и не смогли, ибо оно было результатом их совместных усилий, их творческих дискуссий, их творческой совместной работы.

Со смертью отца мама почти перестала заниматься серьезной наукой, найдя в словах Бориса Стругацкого, оставшегося без соавтора — брата Аркадия, хороший образ. Борис продолжил «пилить толстое бревно литературы двуручной пилой, но без напарника», а мама — отказалась это делать... Вдвоем с отцом они «ловко» работали этой «пилой», но одной это стало ей психологически не под силу. Да и крах Советского Союза не способствовал продолжению их марксистских по духу и содержанию работ.

«Сейчас новых работ я не затеваю. Привела в порядок библиографию работ З.И., издала его научную биографию, а также ряд статей о нем в разных изданиях (в Перми). Занимаюсь определением будущего его научной библиотеки. Главное же мое любимое занятие — возиться со студентами. На мою любовь студенты отвечают

²⁰ Очень существенно бы облегчило. — ГЗФ.

взаимностью, что меня и держит на этом свете. Жизнь прожита не даром, многим я открыла глаза, объяснила, что почем. Совесть моя чиста. Я никогда не была апологетом существующей власти, и студенты это прекрасно чувствовали».

«Маркс писал, что он любит рыться в книгах, а я, грешная, люблю возиться со студентами, в этом заключается моя жизнь. Захар Ильич был ученый — он искал истину. А я — преподаватель, ищу способы, как передать эту истину другим? Как научить других искать истину и отличать ее от не-истины?» — писала Галина Петровна.

Григорий, меня заинтриговало Ваше упоминание о публикации Галиной Петровной научной биографии З. И. Файнбурга. Не могли бы Вы дать точную биографическую ссылку на эту работу и описать ее структуру. Если там есть введение, приведите, пожалуйста, его основные положения.

Захар Ильич скончался осенью 1990 года. Почти год после этого Галина Петровна тяжело болела, а в это время рушился Советский Союз и вся годами устоявшаяся жизнь. «Шок» псевдодемократического контрреволюционного реформирования и тотальной «прихватизации», казалось, полностью парализовал Галину Петровну. Но это была лишь видимость: она готовится написать о Захаре Ильиче, а кто мог знать творчество Захара Ильича лучше нее — жены, соавтора, соратника, неотделимой части их совместного «научного тандема». Она читала различные научные биографии и статьи в энциклопедиях и других изданиях, примериваясь к новому для нее жанру. Летом 1993 года Галина Петровна Козлова подготовила для Уральской энциклопедии первую заметку — краткую на $\frac{3}{4}$ странички биографию и список 10 избранных работ З. И. Файнбурга.

Долгое время Галине Петровне казалось неприличным писать о научном творчестве Захара Ильича, поскольку оно слишком тесно переплелось с ее собственной научной и жизненной судьбой. Но вот внутреннее решение было принято и реализовано: она полностью самоустраняется из жизни и научной биографии Захара Ильича, начинает писать о его творчестве без какого-либо упоминания о своем участии. А слова писем и разговоров: мы, я, Захар, — превращаются в публикуемое тотальное клише «Захар Ильич».

Но и сейчас она не рискует одна опубликовать написанное и зовет в соавторы историка Римму Александровну Ошуркову (возможно, откликаясь на предложение последней опубликовать материал о Захаре Ильиче в специальном сборнике трудов Пермского университета). Так в 1994 году появляется первая и основная (можно сказать, «базовая») статья о научной биографии Захара Ильича. А, кроме того, в качестве приложения к очерку «Захар Ильич Файнбург» (Козлова Г. П., Ошуркова Р. А.) // История и методология науки: Межвуз. сб. науч. тр. / ПГУ. — Пермь, 1994. — С. 181–214) публикуется «Список 50 избранных работ З. И. Файнбурга».

В том же 1994 году Г.П. Козлова публикует «Избранные сто публикаций профессора, доктора философских и кандидата экономических наук Захара Ильича Файнбурга» как приложение к своей статье «О научном наследии З.И. Файнбурга (24.01.22–10.09.90)» в сборнике: Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Вторая науч. конф., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга и 30-летию каф. социологии и политологии: Тез. докл. / ПГТУ, Пермь, июнь 1994 г. — Пермь, 1994. — 194 с. [статья — С.174–176, приложение к ней — С. 177–183].

Для описания жизни и творчества Захара Ильича Галина Петровна выбрала самый простой способ: повествование разворачивается по времени и местами концентрируется на тех или иных темах творчества. На сегодня этот тип научной биографии, примененный Галиной Петровной к творчеству Захара Ильича, уже полностью использован и в чем-то исчерпал свою эвристическую ценность. Теперь нужен анализ различных тем и проблем, когда-то рассмотренных Захаром Ильичом и Галиной Петровной, а это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Спасибо, Григорий, из Ваших слов сложился очень цельный образ жизни и работы Галины Петровны. Она не только многие годы активно со-участвовала в исследовательской деятельности Захара Ильича, но и, кроме того, отчетливо поняла смысл и значение работ мужа и сделала все возможное для сохранения его научного наследия.

Да, Борис, и наш неизвестный нам читатель, Галина Петровна была мудрейшая женщина, женщина, исповедовавшая принцип: «Муж – голова, а жена шея. Куда шея повернет, туда и голова смотрит», женщина, готовая на самопожертвование, женщина – настоящий друг и спутница жизни, женщина, о которой может только мечтать творчески ориентированный и духовно богатый мужчина. Моему отцу очень сильно повезло, и я глубоко убежден, что без моей мамы – Галины Петровны Козловой, он никогда бы не смог и не стал бы тем неординарным мыслителем и известным ученым, о ком мы сегодня частенько вспоминаем и пишем.

А завершить эти краткие до неприличия диалоги мне хотелось бы «криком души», который излился на бумагу сразу после смерти Галины Петровны²¹:

«Скромная обаятельная женщина с ясной головой и непреклонной волей, Галина Петровна никогда не ставила себя вперед других, даже когда безусловно заслуживала этого, предпочитая оставаться в тени, органически не переносила бахвальства, позерства, претенциозности.

Справедливая и принципиальная, Галина Петровна многое могла простить, но только не предательство и подлость. Их она не прощала никому, никогда и ни при каких обстоятельствах.

Мужественный человек, Галина Петровна стойко переносила тягости жизни, никогда не жаловалась, сама старалась ни при каких обстоятельствах не быть никому в тягость. Много раз спасая других, не находила времени и сил заняться собой.

Москвичка, горожанка, Галина Петровна едет за мужем в маленькую Йошкар-Олу, учится топить печь, полоскать белье в проруби, косарем скоблить полы.

Она любит отдыхать на Черном море, но врачи запрещают «юга» ее смертельно больному мужу – Захару Ильичу, и она учится жить, отдыхать и писать книги в заповедных марийских лесах.

Без пяти минут доктор наук, настоящий «профессор», прекрасный ученый и великолепный педагог, она решительно откладывает практически готовую диссертацию, навсегда закрывая себе путь к уважаемому ею званию «профессор», и создает все условия для жизни и творчества тяжело больного З. И. Файнбурга.

На протяжении всей своей профессиональной деятельности с 1950 по 2000 год она читает лекции, готовится к ним, пишет статьи, редактирует рукописи З. И. Файнбурга, но одновременно она же стирает и шьет, стряпает и вяжет, делает покупки, ведет хозяйство, воспитывает детей и внуков.

²¹ Из некролога на смерть Галины Петровны, написанного ГЗФ.

И все, чтобы ни делала Галина Петровна, она делает на «отлично». Ее знаменитые пирожки, грибы, варенье, соленья еще долго будут помниться тем, кому повезло их отведать.

Внимательно, но без излишней строгости, умея спросить в главном и простить в мелочах, воспитывает она детей и внуков, всегда и во всем приучая их к самостоятельности и ответственности.

Искренняя и доброжелательная, она становится «старшим товарищем» не только для своих детей и внуков, но и для их друзей.

Галина Петровна никогда не замыкалась в своей семье, была общественным человеком. Круг ее общения был очень большим, она была интересным собеседником, и телефон в ее квартире не смолкал до последних дней ее жизни.

Доброжелательная, умная, принципиальная, Галина Петровна, как никто другой, могла выслушать человека, дать ему мудрый совет, поддержать в тяжелую минуту, помочь.

Скромный, обаятельный и отзывчивый человек, мудрый советчик, блестящий аналитик, ученый-новатор, опытный методист, прекрасный лектор – такой останется в наших сердцах Галина Петровна.

И еще очень долго всем, кто знал Галину Петровну, будет не хватать этой приятательной женщины, замечательного человека и незаурядного педагога и ученого».